

Путь к счастью

Пьесы Назыма Хикмета на сцене
Ленинградского театра

Новаторская драматургия Назыма Хикмета богата мыслями и чувствами. Можно по-разному воспринимать его пьесы, но равнодушно пройти мимо них нельзя. Стоит ли Хикмет свое произведение на материале древней легенды, или пишет о современной Турции, затрагивает ли какие-то стороны нашей действительности, — пьесы его всегда поднимают большие жизненные проблемы, они насыщены гражданским пафосом.

В репертуаре Ленинградского драматического театра две пьесы Назыма Хикмета — «Первый день праздника» и «Чудак».

Тема «Первого дня праздника» не нова. О распаде буржуазной семьи написано немало в русской и зарубежной литературе. Назалось бы, перед нами еще одна страдающая семейка, где все передралось из-за наследства, но Хикмет решает эту тему по-своему, используя резкие, контрастные краски, переплетая смешное и трагическое, давая широкие социальные обобщения. В пьесе проходит философская мысль о жизни и смерти, о ничтожности праздного существования и подлинном празднике жизни для тех, кто честно трудится.

Спектакль, поставленный режиссером В. Андрушкевичем, смотрится с интересом. Исполнители Е. Страхова (Ферхунде), Л. Макарычев (Рюстам), Э. Попова (Айтен), И. Дмитриев (Фируз), С. Воярский (Шади) доносят до зрителя авторский замысел. И все же театр до конца не поднялся над бытовым решением. Ему недостает сатирического наката, широты обобщений, того простора мысли, который характерен для драматургии Хикмета.

Значительнее и ярче, на наш взгляд, «Чудак», поставленный режиссерами Р. Сиптой и В. Андрушкевичем.

Спектакль начинается необычно. Посреди дороги лежит большой камень, преграждая путь пешеходам. Разные люди проходят здесь. Один равнодушно обойдет камень, другой использует его для своих надобностей — ногу поставит для того, чтобы завалить ботинки, третий из чувства человечности уберет камень с дороги — «не наткнулся бы кто», находится и такой человек, который, алчливо ухмыляясь, положит камень на прежнее место.

Эта мудрая притча разыгрывается на фоне большого капиталистического города — Стамбула. В условной символической форме театр сумел передать большую философскую мысль пролога. А дальше начинается само действие, и мы знакомимся с печальной и радостной историей адвоката Ахмеда Рыза.

Ахмед благороден и смел, полон бескорыстного стремления приносить пользу людям. За это он прослыл чуданом среди тех, кто живет по звериным законам собственнического мира. Не легко приходится в этом мире «чудану». Удары обрушиваются на него один за другим, и наступает момент, когда Ахмед топчет почву под ногами. Не видя реальных сил, на которые можно бы опереться, Ахмед чувствует себя жалким одиночкой, и тогда он пробует быть таким, «как все». Ему удается разбогатеть. Но вместо ощущения полноты и радости жизни он испытывает страшную опустошенность, пижмечество своего существования. Лишь встреча с рабочим Селимом совершает переворот в сознании Ахмеда, зажигает

новый свет в его погасшей душе.

Успех этого спектакля в основном зависит от решения центрального образа. Роль Ахмеда в Ленинградском театре исполняет П. Крымов. У Ахмеда-Крымова чудесная застенчивая улыбка, и весь облик его чист и привлекателен. Все в нем говорит о том, что перед нами хороший, душевный человек. С открытой душой идет он навстречу каждому, кто в нем нуждается, но добродушие его обрачивается непреклонностью, когда ему предлагают сделку с совестью.

Огромной нежностью пронизан каждый взгляд Ахмеда Крымова, каждое его слово, обращенное к жене, которую он боготворит. Ослепленный своим чувством, он не замечает, как отвратительно черства Нихаль, любящая только себя. Артистка Е. Деливрон рисует обольстительную и себялюбивую маленькую хищницу. Привыкшая к притворству в доме богатого дядюшки, Нихаль и с мужем ведет двойную игру, надеясь

На снимке: сцена из спектакля «Чудак».

сделать его послушным орудием в своей погоне за богатством. Когда она убеждается, что все ее усилия направить мужа на «путь истинный» напрасны, Нихаль обрасывает с себя маску: «Я тебя никогда не любила...», — злобно кричит она и покидает дом.

Ахмед остается один. Внезапно обрушившееся горе сразу изменило и состарило этого жизнерадостного человека. Впечатленная проводит артист немую сцену, когда Ахмед бесцельно слоняется по комнате, невидящим взглядом охватывает знакомые предметы, и только фартук жены, небрежно брошенный на полу, выводит его на какое-то мгновение из оцепенения. После разговора с приятелем, интересы которого он защищал, Ахмед окончательно измучился в людях.

В маленьком кабаке происходит последний разговор Ахмеда с женой. Узнав о богатстве мужа, она готова на примирение. Но любовь, которую можно легко купить, ему не нужна.

Он идет смерти, затевает ссору с пьяным услужником. Рабочий Селим, с риском для собственной жизни, отводит занесенный нож. И тут наступает прозрение. Значит, есть еще настоящие люди, есть с кем идти рядом, во имя чего бороться.

В спектакле ленинградцев волнует не только судьба «чудака» Ахмеда. Тема спектакля гораздо шире. Он заставляет задуматься о принципиальности и беспринципности, о моральной стойкости, необходимой в борьбе за большую гражданскую правду, и зовет смело убирать с дороги камни, преграждающие человеку путь к счастью.

Л. КАЗАКОВА.